

*Отец мой, нелюдим-оригинал,
 Всю жизнь провел в раздумьях о природе.
 Он честно голову над ней ломал,
 Хотя и по своей чудной методе.
 Алхимии тех дней забытый столп,
 Он запирался с верными в чулане
 И с ними там перегонял из колб
 Соединенья всевозможной дряни.
 Там звали «Лилиею» серебро,
 «Львом» — золото, а смесь их — связью в браке.
 Полученное на огне добро,
 «Царицу», мыли в холодильном баке.
 В нем осаждался радужный налет.
 Людей лечили этой амальгамой,
 Не проверяя, вылезился ль тот,
 Кто обращался к нашему бальзаму.
 Едва ли кто при этом выживал.
 Так мой отец своим мудреным зельем
 Со мной средь этих гор и по ущельям
 Самой чумы похлеще бушевал*

(Гёте, 1960, с. 81;

перевод Борнса Пастернака)²⁹.

Приключения в сфере европейского средневекового духа становятся авантюрными похождениями в чисто географических пространствах новой Европы. Псевдоалхимический пролог капиталистических общественных отношений. Но двинемся дальше — по следам наиболее характерных и значительных литературных реминисценций алхимии.

²⁹ Перевод, конечно, блестящий. Но остается непонятным, почему от золото-серебряной амальгамы мерли люди. Приведу этот же фрагмент в переводе И. Холодковского:

*...Меж адептов
 Сидел он в черной кухне взаперти
 И силлил бальзам целительный найти,
 Мешая разных множество рецептов.
 Являлся красный лев — и был он женихом,
 И в теплой жидкости они его венчали
 С прекрасной лилией, и грели их огнем,
 И из сосуда их в сосуд перемещали.
 И вслед — блиставшую лучами всех цветов
 Царицу юную в стекле мы получали:
 Целительный напиток был готов,
 И стали мы лечить. Удвоились мученья:
 Больные гибли все без исключения...*

(Гёте, 1956, с. 76).

Этот переводчик оставил символы нерасшифрованными. Между тем *красный лев* — ртуть, а *лилия* — вещество, содержащее хлор. *Царица* — их соединение. Вероятно, сулема; от которой просто-таки неловко не отпратиться к праотцам.